

Уроженец Вологды, К. Батюшков был связан с этим городом личной историей, родственными отношениями, земельной собственностью — всей жизнью.

В истории литературы существуют две биографии Батюшкова. Первая — академическая, Л. Майкова, составленная и изданная по инициативе брата поэта Помпея как обширное предисловие к юбилейному (1887) собранию сочинений Батюшкова, а через девять лет вышедшая отдельной книгой¹. И вторая — «романтическая», написанная к 200-летию юбилею Батюшкова (1987) тогда еще вологодским исследователем В. Кошелевым: «Константин Батюшков: Странствия и страсти». Обе биографии опираются на документальные источники, доступные авторам, и обе не свободны от фактических и аналитических ошибок.

Книга Р. Лазарчук «К. Н. Батюшков и Вологодский край», не претендуя на исследование поэтической биографии Батюшкова, а также не превращаясь в работу над ошибками предшественников, дает богатый материал и в той, и в другой области. Однако главное ее достоинство заключается в тщательном описании повседневности, которая в не меньшей (а, возможно, и в большей) степени, чем исторические потрясения, влияла на жизнь Батюшкова. Это самоценное «пространство частной жизни человека» исследовательница рассматривает, прибегая к метафоре концентрических окружностей, центральная из которых — семья поэта: отец, мать, сестры.

Отношения К. Батюшкова с отцом долгое время описывались достаточно туманно прежде всего из-за расхождений биографов во взглядах. Часто их точка зрения на личность Н. Батюшкова и его роль в воспитании и формировании сына не была подкреплена достоверными документами (а иногда документы изучались недобросовестно). Так, без каких-либо оснований В. Кошелев приписывает Н. Батюшкову «страсть» к карточной игре и ею объясняет его долги и последующее разорение. Р. Лазарчук снимает эти обвинения: вынужденные долги Н. Батюшкова оправдывались обстоятельствами, связанными прежде всего с болезнью и смертью его жены, матери пятерых детей, воспитанием которых теперь принужден был заниматься он один. В публикуемом исследовательницей документе — личном письме Н. Батюшкова об этом сказано прямо: «Воспитание детей, о коем всегда имел попе-

---

¹ Современное дополненное новыми материалами переиздание этой биографии было сделано нами: *Майков Л. Н. Батюшков, его жизнь и сочинения*. М.: Аграф, 2001.

чение, при небольшом имении жены моей, — поколику никакой собственности не имею, будучи не отделен от отца, — истощало понемногу мое состояние, а долговременная болезнь ее совсем меня разорила, ибо <...> не жалел я ничего, чтоб восстановить ее здоровье...» (с. 66). Впервые Р. Лазарчук с документальной достоверностью выстраивает образ Н. Батюшкова, крайне тяжело проходившего служебное поприще, обремененного заботами об обширном семействе, впоследствии — еще и о страдающей душевной болезнью жене, прикладывающего постоянные усилия, чтобы дать своим детям достойное образование.

Исследовательница проводит тщательный анализ переписки отца и сына Батюшковых и делает вывод о тесной духовной связи между ними, которая не прервалась даже в самых сложных жизненных обстоятельствах — в ситуации вторичной женитьбы отца. Изучая стилистику дошедших до нас писем Н. Батюшкова и состав его библиотеки, Лазарчук соглашается с мнением Л. Майкова: Николай Львович был «человеком по своему времени хорошо образованным» (с. 74). А следовательно, умевшим оказать влияние на подрастающего сына. Сентиментальные формулы его писем, которые воспринимаются Кошелевым иронически, на самом деле всего лишь знак владения стилем эпохи: «Исторические эмоции исторического человека не могут быть объектом иронии», — справедливо замечает Р. Лазарчук (с. 74).

В селе Даниловском, где в одиночестве прожил свои последние годы Н. Батюшков, чудом сохранился дом, построенный им в 1812—1813 годах, и большой парк, разбитый по преданию пленными французами, наподобие Версаля. Л. Майков считал, что в Даниловском, оставленный на попечение деда, провел свои первые детские годы и К. Батюшков, поскольку душевная болезнь матери потребовала удаления от нее младших детей. Эту версию поддерживает В. Кошелев, опубликовавший «Опись имущества села Даниловского» за 1796 год и увидевший в ней косвенные подтверждения присутствия в имении ребенка Батюшкова. Вслед за В. Кошелевым «Опись...» тщательно прочитывает Р. Лазарчук, но вывод делает противоположный: «“В децких горницах занавесок зеленых гарусных две переделаны к окнам Павла Львовича в спальню” — деталь знаковая, ускользнувшая от внимания исследователя. А между тем в барском доме детская — всегда самые светлые и уютные покои <...> Никаких реальных (материальных) следов присутствия Константина и Варвары в Даниловском нет: в огромной скрупулезно составленной описи имущества не значится ни одной детской вещи» (с. 32).

По заключению Р. Лазарчук, душевная болезнь поразила мать поэта в 1793 году, когда ему было шесть лет. Дело происходило в Вятке, куда Н. Батюшков получил назначение незадолго до этого.

Из Вятки вместе с малолетними детьми Константином и Варварой супруги отправились в Петербург — на лечение. Во время болезни матери, продолжавшейся в целом около двух лет, К. Батюшков был все время рядом с ней. Ему исполнилось восемь, когда матери не стало. Он должен был помнить ее живой, и сам он был живым свидетелем ее трагедии, возможно, поэтому в его поэзии и эпистолярин читается постоянный страх за собственное будущее — предположение душевной болезни, даже тогда, когда до нее было еще очень далеко: «Если я проживу еще десять лет, то сойду с ума», — писал К. Батюшков в 1809 году, практически за десять лет до того, как первые симптомы психоза стали для него повседневностью.

Три главы книги посвящены сестрам поэта: Александре, Елизавете и Варваре. Образы сестер Батюшковых были до сих пор только намечены в биографической литературе. Даже об Александре Николаевне, наиболее близкой поэту и проведенной рядом с ним самые тяжелые годы его болезни, исследователи никогда не писали подробно — ее история заканчивалась для нас в тот момент, когда она вслед за матерью и братом погрузилась в мрак безумия. За исключением одного эпизода из книги В. Кошелева, который автор посвятил последним годам жизни А. Батюшковой, якобы умершей в одиночестве в имении Хантоново в окружении лишь дворовых слуг и крайней бедности. По авторитетному свидетельству Р. Лазарчук, годы болезни сестра поэта провела совсем иначе: она не бедствовала и жила в имении заботливых родственников Соколовых, которые справедливо полагали, что домашняя обстановка и уход могут облегчить страдания больной. Не совсем понятна и причина, по которой В. Кошелев говорит о «неприхотливых душевных запросах» А. Батюшковой, из реконструкции Р. Лазарчук становится очевидным, что сестра поэта была человеком образованным, чувствительным и просвещенным вполне в духе своей эпохи.

Аналогичным образом история расправилась и с другими сестрами: о них не было известно практически ничего после 1822 года, то есть времени прекращения с ними К. Батюшковым осознанных отношений. Р. Лазарчук восстанавливает не только образы сестер поэта — особенности их характеров, интересов и привязанностей, но и бытовые детали их жизни, историю их семей, стараясь провести непрерывную линию от рождения до смерти. Надо заметить, что невзгоды, потери, несчастья и одиночество преследовали Елизавету и Варвару необычайно упорно. Автор публикует редкие акварельные портреты сестер Батюшковых, выполненные А. Ягодниковым на рубеже 1840—1850-х годов.

В начале 1833 года опекуном К. Батюшкова, прожившего уже более десяти лет в состоянии тяжелой психоза, стал его племянник, возможно, единственный сын старшей сестры поэта Анны — Григорий Абрамович Гревенс. Говоря о личности Гревенса и

углубляясь в историю вопроса опеки, Р. Лазарчук вновь вступает в спор с В. Кошелевым: «Этот поступок Гревенса биографы поэта всегда расценивали как проявление его доброты и благородства. В. Кошелев поставил перед собой задачу развенчать миф о “великодушном племяннике” <...> Увлеченный идеей разоблачения Гревенса, исследователь усматривает в поведении опекуна только корысть и холодный расчет» (с. 217–218). Полагаясь на «строгую логику фактов», автор книги приходит к противоположному выводу: двенадцать два года Г. Гревенс провел рядом с душевнобольным поэтом, взял его в свою семью, как только состояние дяди позволило это сделать, окружил не только материальной, но прежде всего — родственной, человеческой заботой. Здесь больной обрел, казалось, уже невозможные для него семейные радости: привязанность к детям, любовь близких. Забота родных, возможно, облегчила течение болезни К. Батюшкова, на что смутно надеялся его доктор Антон Дитрих, оставляя своего больного в 1830 году. Г. Гревенс присутствовал при последнем вздохе поэта, закрыл ему глаза и проводил в последний путь, сохранил рисунки К. Батюшкова и его письма.

Последний сюжет книги связан с домом, в котором Батюшков прожил в Вологде с 1833 по 1844 год и о котором упоминает М. Погодин, посетивший больного поэта в этот период: «Отправился к Батюшкову, по вызову священника, в чьем доме он живет»². Расхожее мнение о том, что Батюшков с момента своего переселения в Вологду и до самой смерти прожил в доме удельной канторы, где служил Г. Гревенс, не получает подтверждений. Священник П. Васильевский, в чьем доме квартировал Батюшков, не мог быть хозяином двухэтажного представительного каменного здания на сваях в самом центре города. Исследуя биографию прот. Васильевского, семейные документы, планы городской застройки того времени, автор книги называет точный адрес. Первое, самое тяжелое десятилетие своей вологодской жизни, К. Батюшков провел в двухэтажном деревянном особняке с антресолями, и поныне расположенном на углу Советского проспекта и ул. Предтеченской. По годовым отчетам опекуна Г. Гревенса и воспоминаниям М. Погодина, исследовательница восстанавливает примерный интерьер квартиры Батюшкова, размещавшейся на втором этаже этого дома, предоставляя фактически готовый материал для мемориального музея.

А. СЕРГЕЕВА-КЛЯТИС

---

² Погодин М. П. Вологда // Москвитянин. 1842. Ч. 4. № 8. С. 281.